

Воспоминанія друга о покойномъ Николаѣ Матвѣвичѣ Любимовѣ.

И. Терегулова.

Знакомство мое съ покойнымъ Николаемъ Матвѣвичемъ относится къ срединѣ 60-хъ годовъ прошлаго столѣтія, когда онъ, окончивъ курсъ Уфимскаго уѣзднаго училища, поступилъ во 2-й классъ гимназіи. Мы сошлись съ нимъ на почвѣ изученія французскаго яз., въ которомъ онъ былъ недостаточно подготовленъ, а потомъ такъ и остались неразлучными друзьями. Николай Матвѣвичъ былъ очень здоровый, живой мальчикъ, обнаруживающій большую ловкость въ играхъ, въ которыхъ онъ оставался побѣдителемъ. Очень способный, всѣмъ живо интересующійся Н. М. страстно любилъ природу и съ большимъ интересомъ слѣдилъ за птицами, зная ихъ не только по наружности, но и по голосамъ. Уже въ это время обнаруживалась у него наклонность обращаться къ книгѣ за точными указаніями, такъ какъ домашніе ему въ этомъ помочь не могли.

Зимой, бывало, наловимъ щегловъ, чижей и т. п. и держимъ ихъ только до тѣхъ поръ, пока не изучимъ ихъ по естественной исторіи, кажется Семашко или Эверсману, хорошо не помню, а узнавши все, что насъ интересовало, выпускали плѣнницъ на свободу. „Жалко лишать свободы“, говорилъ покойный, до конца жизни умѣвшій уважать свободу въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова.

Лѣтомъ любимымъ нашимъ занятіемъ было изученіе птичьихъ гнѣздъ и яицъ, жуковъ, бабочекъ и др. насѣкомыхъ, а также засушиваніе растеній. Да и сама Уфа, утопающая въ садахъ и ея окрестности располагали къ занятіямъ естественными науками. Мѣстомъ нашихъ экскурсій служили сады Архіерейскій, городской, садъ почтмейстера Далматова нынѣ значительно сократившійся, теперь принадлежитъ Маріинской женской гимназіи и др., а также Чер-

калихинъ оврагъ, дача Новикова, Услонская гора и др. До конца жизни Н. М. остался любителемъ рыбной ловли. Охоту онъ любилъ хотя искусство стрѣлять ему далось быстро, и онъ билъ безъ промаховъ, чему научился во время каникулъ, отправляясь въ компаніи со мной и моими братьями за городъ и даже въ довольно отдаленныя деревни. Но и по дичи „поминки“ служили по Семашко.

Къ урокамъ Н. М. относился добросовѣстно, чему не мало способствовалъ строгій вотчимъ (Семенъ Александровичъ Чернобаевъ). Отца онъ лишился въ раннемъ дѣтствѣ и совершенно не помнилъ его. Къ вотчиму покойный до конца своей жизни относился съ большимъ уваженіемъ и глубокой благодарностью за безукоризненную его честность, трудолюбіе и за желаніе дать ему образованіе, что было очень затруднительно для челоѣка, не имѣющаго средствъ и получающаго въ мѣсяцъ около 40 руб., изъ которыхъ 15 руб. онъ высылалъ ежемѣсячно въ теченіе перваго года университетской жизни Н. М.

Жизнь въ бѣдной чиновничьей средѣ, гдѣ нерѣдко приходилось видѣть слезы, не имѣющихъ возможности лечиться за деньги съ раннихъ лѣтъ въ впечатлительную душу покойнаго заронили непреодолимое желаніе сдѣлаться врачомъ и прити на помощь своимъ ближнимъ, да и безпомощное состояніе больныхъ, особенно глазныхъ, въ деревняхъ, куда мы ѣздѣли по лѣтамъ, (земскихъ врачей тогда еще не было), окончательное закрѣпило это желаніе, и уже съ 4 класса гимназіи онъ говорилъ, что непременно сдѣлается врачомъ.

На старшихъ курсахъ медицинскаго факультета Н. М. съ особенной любовью занимался глазными болѣзнями и еще, будучи студентомъ сдѣлалъ въ Уфѣ нѣсколько удачныхъ операцій. Не мудрено, что по окончаніи курса онъ прослылъ глазнымъ врачомъ (или по-татарски „коз доктѣры“), и съ ранней весны его домъ и нашъ осаждались спрашивающими: „скоро-ли пріѣдетъ, глазной докторъ“ или „казанскій докторъ“? У Н. М. было большое желаніе по окончаніи курса остаться у профессора Е. В. Адамюка, но судьба судила иначе, это мѣсто занялъ другой; онъ же, по предложенію проф. А. В. Петрова остался при кафедрѣ патологической анатоміи и утѣшался мыслью: „Ну, все равно, я съ моими скудными знаніями основной медіц. науки—пат. анатоміи, не могу быть хорошимъ врачомъ, долженъ еще поучиться“ Его честная натура не позволяла быть плохимъ помощникомъ А. В. П-ва; онъ съ жаромъ принялся изучать паталогич. анатомію и гистологию, и часто, возвращаясь изъ университета, съ удовольствіемъ говаривалъ: „а вѣдь я начинаю сознательно смотрѣть въ „поганую трубку“,—такъ называли студенты въ шутку микроскопъ, и ориентироваться въ

процессахъ“. Но такъ какъ главная цѣль жизни Н. М. была все-таки помощь болящему человѣку, то онъ не могъ замкнуться въ рамки врача-теоретика и, пользуясь всякой свободной минутой посѣщалъ клинику пр. Н. А. Виноградова, Земскую и Александровскую больницы, знакомился съ терапій и хирургіей, стараясь не пропускать серьезныхъ операцій. А впоследствии посѣщалъ клиники и слушалъ лекціи профессоровъ запада. Эта сторона дѣятельности его прекрасно очерчена проф. В. Н. Разумовскимъ въ рѣчи, произнесенной надъ гробомъ покойнаго 27 февраля 1906 г. Мнѣ же хотѣлось бы ознакомить слушателя съ практической дѣятельностью Н. М. въ Уфѣ, съ которой я близко знакомъ. Мнѣ случалось мѣсяцами вмѣстѣ съ нимъ жить тамъ, когда онъ, потерявъ всѣхъ близкихъ, одинокимъ пріѣзжалъ въ родной городъ.

Съ ранняго утра больные, въ особенности деревенскіе заполняли Ильинскую улицу и дворъ его дома, гдѣ онъ принималъ сначала, или коридоры и лѣстницу №№ Полетаева, гдѣ онъ оставался одинъ. Большого труда стоило уговорить Н. М. утромъ выпить чаю до пріема, начинавшагося обыкновенно съ 8 ч. утра и продолжавшагося часовъ до 6 вечера, а иногда и дольше. Особыхъ антрактовъ на обѣдъ не полагалось, а это дѣлалось между прочимъ и то, если въ это время услышитъ онъ дѣтскій плачь, то уже я оказывался безсильнымъ удержать его—обѣдъ прерывался на неопредѣленное время и снова начинался пріемъ. Кажется свое существованіе онъ только поддерживалъ чаемъ. Особенно много приходило глазныхъ больныхъ. Слѣдя неустанно за литературой онъ съ успѣхомъ примѣнялъ всѣ новѣйшія методы лѣченія. Слава его въ родномъ городѣ росла. Къ сожалѣнію этотъ простой актъ челоуѣколюбія вызывалъ немало нарѣканій со стороны товарищей-врачей. У Н. М. почти вся практика была бесплатная среди обездоленнаго люда родины, а если что онъ и получалъ въ качествѣ гонорара, то послѣдній тутъ же оставался въ родной Уфѣ, да приходилось еще выписывать подкрѣпленія изъ Казани. Прописываетъ ли онъ рецептъ, такъ кажется и смотритъ пытливо: будетъ ли чѣмъ заплатить больному за лѣкарство, а ужъ если только услышитъ вопросъ: „а дорого будетъ стоить это лѣкарство?“ тотчасъ говоритъ мнѣ, дай пожалуйста копѣекъ 50—60 или самъ вынетъ деньги. Желая какъ-нибудь удешевить лекарства мы заготовляли сами наиболѣе употребительные растворы и деньги тогда выдавались лишь на посуду. Не могу забыть одинъ случай: явился высокаго роста больной мужикъ. У него оказалось крупозная пневмонія „Вы должны непременно отправиться въ больницу, Вамъ надо лежать, работать нельзя!“ „Какъ же я пойду, вѣдь у меня дѣти на рукахъ, жена“. Н. М. сейчасъ же достаетъ 2 бумажки

въ 5 и 3 руб. и строго сказалъ: „вотъ отдайте семьѣ! А сами отправляйтесь тотчасъ же въ больницу! вотъ карточка, отдайте доктору, онъ Васъ приметъ.“ Мужикъ зарыдалъ и повалился въ ноги.

Не рѣдко больные рассказывали свои нужды, просили устроить какія-нибудь дѣла, онъ терпѣливо выслушивалъ до конца, отпускалъ успокоенными и всѣми силами старался помочь.

Такъ жилъ и работалъ въ своей родной Уфѣ (да и въ Казани многіе знаютъ его съ этой стороны) этотъ высоко-гуманный, отзывчивый, деликатный, забывавшій себя ради горячо любимого дѣла человекъ!
